

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2020.60.24.013

Три образа невоплощенного Я

Коптева Наталия Васильевна

Доктор психологических наук,
профессор кафедры практической психологии,
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет,
614990, Российская Федерация, Пермь, ул. Сибирская, 24;
e-mail: kopteva@pspu.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07046.

Аннотация

В статье сравниваются представленные в концепциях русского философа Н.М. Бахтина и английского экзистенциального психиатра Р. Лэйнга родственные способы бытия-в-мире, относящиеся к разным историческим периодам, условно здоровый и клинический шизоидный, характеризующиеся расколом сознания и действия, невоплощенностью ментального Я в теле. Определенное сходство с ними обнаруживает новый способ существования, формирующийся в условиях использования современных информационных технологий, прежде всего Интернета. Н.М. Бахтин считает, что наличие у человека сознания позволяет ему не только выбирать, каким быть, но и уклоняться от действия, подтверждающего выбор, а социальные основания приверженности человека XIX в. внутренней жизни объясняет тем, что она была провозглашена нормой всякой подлинной жизни. Р. Лэйнг усматривает предпосылки невоплощенности в промежуточном положении человеческого тела между Я и не Я, предоставляющем возможность его отчуждения, вместе с действиями, проводником которых оно является. Становление шизоидного способа бытия в условиях XX в. он соотносит с попытками отдельной личности сохранить хотя бы часть собственного бытия в условиях господствующей в обществе и воспроизводимой в микросреде семьи деперсонализации личности. В XXI в. природу человека в существенной мере определяют технологии, информационная компетентность становится одной из основных ценностей общества, представители практически всех востребованных профессий превращаются в информационных работников.

Для цитирования в научных исследованиях

Коптева Н.В. Три образа невоплощенного Я // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 2А. С. 118-126. DOI: 10.34670/AR.2020.60.24.013

Ключевые слова

Разрыв сознания и действия, самосознание без самоосуществления, невоплощенность, информационное общество, современные информационные технологии, технологические расширения человека, Интернет.

Введение

Краткое эссе философа, историка античности, филолога Н.М. Бахтина «Разложение личности и внутренняя жизнь», которое появилось в русской эмигрантской печати в 1931 г., и книгу английского экзистенциального психолога, психиатра Р. Лэйнга «Расколотое "Я"» («The divided self: an existential study in sanity and madness», 1957 г.) разделяет больше четверти века. Общим в этих исследованиях является предмет – фрагментация личности, на который указывают их названия, а также интерес авторов к особому рода способу существования, при котором «действие и сознание – перестали быть двумя нераздельными аспектами единого Я» [Бахтин, 2008, 76], индивид «должен любой ценой никогда не быть тем, что есть действие» [Лэйнг, 2017, 86] и «переживает самого себя не в качестве цельной личности, а скорее в виде "раскола"... как разум, более или менее слабо связанный с телом [Там же, 6]. Сопоставление подходов к нему Н.М. Бахтина и Р. Лэйнга не только представляет исторический интерес, но позволяет прояснить определенные негативные аспекты нового способа бытия-в-мире, утверждающегося в условиях массового использования информационных технологий.

Н.М. Бахтин об основаниях разрыва сознания и действия

Н.М. Бахтин видит истоки феномена в самой природе человека. Если целостность животного задана ему изначально, человек благодаря сознанию выбирает, каким ему быть. Необходимым условием сотворения его целостности является подтверждение каждого выбора реальным действием в соответствии с формулой Гете «Ничто не внутри, ничто не вовне, ибо все, что внутри, – вовне!». Вместе с тем наличие сознания составляет предпосылку разрушения целостности человека, позволяя ему, уклонившись от действия, «предаться бесплодному созерцанию неосуществляемых или неосуществимых возможностей... отдалиться самосознанию без самоосуществления, т. е. "внутренней жизни"» [Бахтин, 2008, 78].

Социокультурные основания присущего многим его современникам разлада между «внешней», доступной наблюдению и внутренней жизнью, Н.М. Бахтин связывает с акцентированием ценности последней в общественном мнении. Согласно предлагаемой автором хронологии, в XIX в. приоритет сознания был провозглашен нормою и признан критерием подлинности жизни, а в обществе утвердился тип человека, который, претендуя на этот высокий стандарт бытия, «не смеет быть тем, чем он себя сознает, и не хочет сознавать себя тем, что он есть» [Там же, 75-76]. В годы, предшествующие Первой мировой войне, рассогласование внутреннего и внешнего планов существования достигает апогея и лишь в 1930-х гг. начинает медленно ослабевать.

Обладание внутренней жизнью становится атрибутом избранности, придает человеку в его собственных глазах большую значимость по сравнению с тем, что он реально представляет собой. Отказываясь утвердить выбор соответствующим действием, человек удерживает, оставляет для себя «призрачное богатство» других возможностей: «Так сластолюбец населяет свой душевный мир этими мертворожденными актами – призраками актов, которым не суждено стать действительностью – и услаждается ими втихомолку. Сферу сознания – где через отречение должен осуществляться выбор – он превращает в место болезненных услаждений, а мысль – в пустую игру духа с самим собой» [Там же, 80].

По мере приближения к идеалу внутренней жизни «техника забвения достигает высокого совершенства. Не жить, не действовать, не хотеть; создать в себе самом пленительный и

призрачный мир, всецело покорный твоему капризному произволу, – затвориться в нем!» [Там же, 49]. Хотя речь идет о массовом явлении, представленное Н.М. Бахтиным отстранение человека от реального мира сродни невротическому, как он описан в психоанализе, а «сластолюбие» вызывает ассоциации с принципом удовольствия. Ориентацию Н.М. Бахтина на З. Фрейда в этом вопросе подтверждает оценка его учения как подлинного и плодотворного, стремящегося охватить все многообразие психической жизни [Там же, 73, 121, 161].

Н.М. Бахтин указал средства, располагая которыми разные категории людей могут подменять ответственные действия псевдоактами: культурная элита использует «искусство и философию, превратившиеся в могучие наркотики», а обыватель – «разнообразные и дешевые суррогаты жизни, избавляющие от надобности действительно жить: роман, газеты, алкоголь... Ими он и питает свою "внутреннюю жизнь". И "внутренняя жизнь" усложняется, крепнет за счет внешней...» [Там же, 74].

В целом в отличие от «просто жизни», в которой сознание и акт нераздельны, «внутреннюю жизнь» Н.М. Бахтин оценивает как фикцию.

Р. Лэйнг об основаниях невоплощенности ментального Я в теле

В середине XX в., согласно Р. Мэю, преобладающим стал тип «полых людей», воспринимающих свою внутреннюю и «внешнюю жизнь» как в равной мере чуждые. Первоначально это были жители окраин, ведущие монотонную, раз и навсегда заведенную жизнь, состоящую из стандартных будней и праздников, обязанностей и развлечений, позже они получили распространение и в среднем классе. Причины внутреннего опустошения Р. Мэй усматривает в разрушении существовавшей в течение последних трех веков системы ценностей и неспособности людей к самостоятельному самоопределению, их неверии в возможность своими силами изменить мир в соответствии с собственными представлениями [Мэй, 2012].

В условиях господства «полых людей» попытки сохранить себя нередко представлялись отклонением от нормы. Сторонники антипсихиатрии, к которым некоторое время принадлежал Р. Лэйнг, подвергали сомнению «психические болезни», рассматривали их как здоровый ответ больному обществу. Р. Лэйнг прослеживает трансформации способа существования, близкого к тому, который описывал Н.М. Бахтин, у своих пациентов – от относительно здоровых шизоидов, миры которых тем не менее казались странными и непонятными большинству людей, до психотиков – шизофреников, впадающих в состояние еще более непостижимого «хаотичного небытия».

Если раскол, который наблюдал Н.М. Бахтин, предполагал отчуждение тела только в качестве «представительства» действия, то тело шизоида является самостоятельным объектом отчуждения. Основу феномена Р. Лэйнг усматривает в другом аспекте природы человека – в том, что его тело как элемент бытия-в-мире «явно занимает двусмысленное переходное положение между "мной" и миром. С одной стороны, оно является сердцевинной и центром моего мира, а с другой – оно есть объект в мире других» [Лэйнг, 2017, 137]. Аналогичным образом К. Ясперс отмечает двойственную установку человека по отношению к телу, с которым он себя идентифицирует и в то же время рассматривает в качестве внешнего объекта, не принадлежащего ему как личности [Ясперс, www].

Не отрицая значения, которое имеют в формировании анализируемых феноменов социальные факторы, в «Расколоте "Я"», Р.Лэйнг ограничивает их изучением семьи,

межличностного микрокосма больных. Он сравнивает себя с цитологом, который при описании клеточных феноменов оставляет в стороне знания микроанатомии, и отмечает, что излагаемая им клиническая биография могла бы быть биографией девушки-работницы из Цюриха, представительницы среднего класса из Линкольна или дочери миллионера из Техаса [Лэйнг, 2017, 189-190].

Р. Лэйнг не исключает возможные генетические предпосылки невоплощенности, которые заключаются в разъединении ментальной и поведенческой составляющих инстинкта, в силу чего основополагающие оральные побуждения не находят выражения «через каналы телесной деятельности», явно голодный ребенок не сосет энергично, не достигает насыщения. Истоки раскола Я у своих пациентов он также связывает с отношением родителей (изначально матери) к ребенку как к не имеющему собственной воли, злоупотребляющих широкими возможностями управлять его телом. Ребенок преодолевает тревогу, копируя мимику, жесты, повадки, манеру одеваться своих преследователей, внешне «превращаясь» в них. На ограничения, принудительную регуляцию действий и собственную столь же принудительную идентификацию с агрессором он отвечает преждевременным развитием самосознания и отчуждением тела, которое «ощущается скорее как объект среди других объектов в этом мире, а не как ядро собственного бытия индивидуума» [Там же, 63].

Развоплощение Я порождает у индивида специфические формы тревоги: поглощения (*engulfment*), деперсонализации, окаменения (*petrification*) и разрывания (*implosion*). Поглощено может быть только меньшее (большим), а в сравнении с усеченным бесплотным Я, не-Я всегда «имеет больший масштаб», «большую шкалу». Деперсонализация (превращение в вещь) особенно опасна для того, кто не ощущает себя вполне живым, реальным, кому до окончательного преобразования в «ничто» достаточно незначительного толчка извне. В обычных жизненных условиях, контактах шизоид усматривает угрозу своему существованию. Непереносимыми становятся как близкие личностные, так и формальные отношения, при которых один человек является не более чем объектом в глазах другого. Шизоид представляется себе как не обладающий достаточной плотностью, субстанциональностью, как нечто, что может быть с легкостью разорвано. Предвидя катастрофические последствия попыток заполнить внутреннюю пустоту, он старается избегать встреч с «взрывоопасной» реальностью.

Вместе с телом и навязанное поведение воспринимается как «ложное Я», не выражающее «истинное» внутреннее Я. Индивид не просто принижает значимость действия, а испытывает по отношению к нему настоящую ненависть, стремится всячески избежать: «его "я" хочет быть сложным, неопределенным и уникальным. О действии "можно сказать, что оно есть". Но индивидуум никогда не должен быть тем, что можно о нем сказать. Он всегда должен оставаться непостижимым, уклончивым, трансцендентным» [Там же, 86].

Шизоиду мало стать чистым субъектом без какой-либо объективной экзистенции, как и бахтинский тип, он «конструирует внутри себя микрокосм. Но, конечно же, этот аутистский, частный, интраиндивидуальный «мир» не является подходящим заменителем единственного мира, который реально существует. Если бы такой проект был осуществим, не было бы нужды в психозах. Подобный шизоидный индивидуум в одном отношении пытается стать всемогущим, заключив внутри собственного бытия, без обращения к творческим взаимоотношениям с другими, образы взаимоотношений, требующие эффективного присутствия других людей и внешнего мира. Он хотел бы оказаться – нереальным, невозможным образом – для самого себя всеми личностями и вещами [Там же, 70].

Р. Лэйнг, подобно Н.М. Бахтину, приходит к негативной оценке существования шизоида как лишённого жизни, «принудительной мимикрии», «формы экзистенциальной гангрены», поражающей в итоге «истинное» Я, сознание.

Представленные Н.М. Бахтиным и Р. Лэйнгом два способа бытия-в-мире в значительной мере совпадают по своим характеристикам. Невоплощенное в теле Я шизоида вполне может быть определено выражениями «самосознание без самоосуществления», «не прорастающее в акт, в действие, в мир», которыми Н.М. Бахтин описывает человека XIX в., последнему, в свою очередь, вполне подходит эпитет «гиперсознание», используемый Р. Лэйнгом в отношении шизоида. Обоим вариантам расколотого бытия присущи разъединение сознания и действия, Я и тела, наличие двух Я, одно из которых полагается истинным, а другое ложным. В обоих случаях имеют место уход от реальной действительности, попытки обустройства существования за ее пределами. Сходство прослеживается в общей негативной оценке авторами способа существования, подразумевающего отсутствие самоосуществления, воплощения.

Новый технологический способ бытия в мире. Невоплощенность ментального Я в теле как вектор последствий использования информационных технологий

В современном информационном обществе способ существования, в некоторых своих существенных чертах подобный представленному Н.М. Бахтиным и Р. Лэйнгом, возрождается на новых основаниях. В.А. Емелин приходит к выводу о том, что в условиях интенсивного развития технологий, которые, в отличие от прежних, не просто продолжают возможности человека, но радикально их меняют, «извечный экзистенциальный вопрос соответствия существования и сущности человека переходит в новую ипостась. “Я” индивида информационного общества оказывается неразрывно связано в большей степени, чем когда-либо ранее, со своим технологическим продолжением. Человек становится не только биологическим, социальным, но и технологическим существом. Рождается НОМО TECHNOLOGICUS» [Емелин, 2016, 17]. Информационное общество требует от человека освоения многочисленных разновидностей соответствующей грамотности: медиаграмотности, компьютерной, цифровой, нормативной и коммуникативной, сетевой и собственно информационной [Гусельцева, 2019, 38]. Среди мегатрендов его развития Д. Нейсбит отмечает рост спроса на труд информационных работников, в которых превращаются практически все профессионалы от юристов и учителей до медсестер и священнослужителей [Нейсбит, 2003, 57].

Авторский коллектив, в состав которого входит В.А. Емелин, разрабатывает новую для отечественной психологии проблему последствий нормативного применения технологий (прежде всего информационных), затрагивающих не отдельные категории пользователей, как в случае зависимости, а практически каждого человека. В предложенной ими модели в качестве системообразующего вектора этих последствий обозначено изменение психологических границ, соотносимое с возможностями Интернета, мобильной связи, компьютера (в широком смысле) обеспечивать контакты на любом расстоянии, открывать доступ к неограниченному и разнообразному контенту [Емелин, Рассказова, Тхостов, 2012; Рассказова, Емелин, Тхостов, 2015]. Гипертрофия этого вектора составляет немаловажное условие зависимости от соответствующих информационных технологий.

Представляется, что в качестве самостоятельного вектора последствий применения информационных технологий может рассматриваться невоплощенность ментального Я в теле. В концепции философа, культуролога М. Маклюэна тело человека и его органы служат прообразами всех технологий, в том числе и медиатехнологий. В этом смысле они являются внешними расширениями человека – его рук, ног, глаз, ушей, зубов и т. д. Передача органов, функций тела вещам, приборам, машинам, механизмам предполагает их своеобразную самоампутацию. Промежуточное положение тела между Я и не Я, отмеченное Р. Лэйнгом, в этом случае создает предрасположенность для его воплощения во внешних расширениях в пространстве бытия. Благодаря этому «тело» технологий становится все более масштабным, дифференцированным, усиливает заимствованные возможности, обзаводится обслуживающим его человеческим сервомеханизмом. Это положение тела имеет отношение и к тому, что отдельный человек, утрачивая прежде принадлежавшие ему способности, все более «развоплощается» и становится зависимым от технологий. С появлением электронных средств коммуникации (теле- и радиосвязи), представляющих собой вынесенные наружу нервные системы, люди помещают в них свои физические тела [Маклюэн, Понимание..., 85], лишаясь в качестве пользователей этих средств того, что М. Маклюэн называет «основой». В лекции, прочитанной в Университете Колумбии, он констатирует: «Когда ты говоришь по телефону, ты абстрактен. Ты бестелесный образ. Это и есть форма без основы. Когда ты в эфире, на радио, на телевидении, ты бестелесен, у тебя есть форма, образы, но нет тела» [Маршалл Маклюэн..., www].

Обозначенные М. Маклюэном возможности радио и телевидения в плане обеспечения развоплощенного существования, равно как и источники, питавшие во времена Н.М. Бахтина самосознание без самоосуществления, не идут ни в какое сравнение с теми, которые предоставляет современный Интернет как мультимедийное средство. Он сочетает в себе, в соответствии с классификацией М. Маклюэна, холодные и горячие информационные технологии (книги, социальные сети, блоги, онлайн-игры, радио, кино, телевидение), границы между которыми, определяемые по критерию возможности регуляции пользователем уровня вовлечения в процесс коммуникации, несколько размываются в силу развития технических средств в направлении все большей интерактивности.

Будучи «невоплощенным», человек может принимать ответственные решения, а может по собственному произволу сконструировать вполне удовлетворительный «мир», при этом вполне объективно существующий, быть в этом мире для самого себя всеми личностями и вещами, вступая во взаимоотношения не столько с людьми, сколько с их приемлемыми фантомами, обращаясь только к тем сторонам действительности, которые не вызывают отторжения. К этому располагают, по мнению С.С. Хоружего, исходно принадлежащие виртуальной сфере различные виды многомирной, сценарной, вариантной реальности, характеризующиеся преобладанием модельной и игровой, подвижной, пластичной и проблематичной стихии. Нарастающая тенденция к восприятию ее как таковой человеком дает основание заключить следующее: «Мы уже близимся к появлению “виртуалистского мировосприятия” и человека, ориентированного на виртуальность – ориентированного на всех уровнях своей организации, начиная с телесного» [Хоружий, www].

Уже в докомпьютерную эпоху медиа обещали осуществление шизоидной мечты о всемогуществе: «Когда у тебя нет... тела, то ты не соотносишься с естественным правом и законами природы. При скорости света ты неподконтролен гравитации. Ты внезапно

оказываешься вне естественного хода вещей. Ты супермен. Вот это и влияет на человеческую психологию. Полностью изменяет людей... Эта трансформация, абсолютная трансформация пользователя» [Маршалл Маклюэн..., www]. Этой трансформации в направлении все большей свободы, самодостаточности сопутствует негативный аспект, обнаруженный Р. Лэйнгом в отношении лишённого объективной экзистенции шизоида: «Его всесилие основывается на бессилии. Его свобода действует в вакууме. Его деятельность лишена жизни» [Лэйнг, 2017, 145]. Подобно изменению психологических границ, невоплощённость Я в связи с подменой действий псевдоактами в качестве вектора последствий использования информационных технологий находит свое гипертрофированное продолжение в аддикции.

Уже персонаж Н.М. Бахтина для построения и поддержания своей внутренней жизни использовал достаточно сомнительные дешёвые суррогаты, придававшие ей известную шаблонность, лишавшие индивидуальности. М. Маклюэн обращает внимание на тяготение некогда изолированно существовавших технологий к взаимодействию, объединению в коллективном сознании и прогнозирует неизбежность самоампутации индивидуального сознания с его функцией интеграции личного опыта [Маклюэн, Галактика..., 2018]. Таким образом, обнаруживается сходство в оценке перспектив редуцированного к сознанию технологически расширенного человека М. Маклюэном, внутренней жизни, изолированной от «внешней» Н.М. Бахтиным и невоплощённого бытия Р. Лэйнгом.

Заключение

Подход Н.М. Бахтина и Р. Лэйнга, рассматривающих обусловленные природой человека, а также социокультурные факторы формирования невоплощённой экзистенции, взят в статье за основу рассмотрения способа бытия-в-мире, связанного с использованием современных информационных технологий, прежде всего Интернета. В развитие новой для отечественной психологии проблемы нормативных последствий применения информационных технологий в качестве их самостоятельного вектора рассматривается невоплощённость (ментального Я в теле). Если в концепции Н.М. Бахтина тело отчуждается ориентированным на внутреннюю жизнь человеком как «проводник» действия, для шизоида Р. Лэйнга представляет собой самостоятельный объект отчуждения как продукт принудительных идентификаций, то пользователь современных медиа утрачивает тело в результате его самоампутации посредством технологических расширений (М. Маклюэн). Концепция Н.М. Бахтина и в особенности детальная психологическая разработка Р. Лэйнгом шизоидного способа бытия-в-мире могут послужить ориентирами для исследования, в том числе эмпирического, нового феномена, обозначенного в статье в общих чертах.

Библиография

1. Бахтин Н.М. Философия как живой опыт. Избранные статьи. М.: Лабиринт, 2008. 240 с.
2. Гусельцева М.С. Трансформации идентичности в информационной культуре // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. М.: МПГУ, 2019. С. 36-42.
3. Емелин В.А. Технологии как фактор трансформации идентичности: становление HOMO TECHNOLOGICUS // Национальный психологический журнал. 2016. № 1. С. 9-18.
4. Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш. Психологические последствия развития информационных технологий // Национальный психологический журнал. 2012. № 1. С. 51-87.
5. Лэйнг Р.Д. Расколотое «Я». Феноменология переживания и Райская птичка. М., 2017. 350 с.
6. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, 2018. 444 с.

7. Маклюэн М.Г. Понимание медиа. Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2018. 464 с.
8. Маршалл Маклюэн на семинаре профессора Форсдейла. URL: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/>
9. Мэй Р. Человек в поисках себя. М., 2012. 224 с.
10. Нейсбит Д. Мегатренды. М.: АСТ, 2003. 380 с.
11. Рассказова Е.И., Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Диагностика психологических последствий влияния информационных технологий на человека. М.: Акрополь, 2015. 115 с.
12. Хоружий С.С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности. URL: <https://clib.me/b/151260-sergey-sergeevich-horuzhiy-rod-ili-nedorod-zametki-k-ontologii-virtualnosti/readp?p=1&cnt=9000>
13. Ясперс К. Общая психопатология. URL: <http://ncpz.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/yaspers.pdf>

Three images of the unembodied self

Nataliya V. Kopteva

Doctor of Psychology,
Professor at the Department of practical psychology,
Perm State Humanitarian-Pedagogical University,
614990, 24 Sibirskaya st., Perm, Russian Federation;
e-mail: kopteva@pspu.ru

Abstract

The article compares two ways of being-in-the-world – conditionally healthy and clinically schizoid – introduced in the works of the Russian philosopher N.M. Bakhtin and the English existential psychiatrist R. Laing. Both ways are characterised by the split between thought and action and the unembodiment of the mental self. A new way of living, evolving in the conditions of the use of advanced information technology, is surprisingly similar to the concepts from different historical periods. N.M. Bakhtin believes that a person’s consciousness allows them not only to choose who they want to be, but also to evade actions that demonstrate their choice. He explains the interest of the people of the 19th century in their inner life by the fact that inner life was considered to be the rule for authentic life in the society. R. Laing sees the preconditions for unembodiment in the intermediate position of a human body between the “self” and the “not-self”, which leads to the alienation of the body along with the actions it performs. He links the formation of the schizoid way-of-being with the attempts of an individual to preserve at least some part of their personal existence from the de-personalisation prevalent in the society of the 20th century and replicated in the micro-environment of a family. Modern technology largely determines human nature in the 21st century. Information competence is becoming one of the core values of the society, and professionals in high demand jobs are turning into information workers.

For citation

Kopteva N. V. (2020) Tri obraza nevoploshchennogo Ya [Three images of the unembodied self]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (2A), pp. 118-126. DOI: 10.34670/AR.2020.60.24.013

Keywords

Split between thought and action, self-consciousness without self-execution, unembodiment, information society, modern information technology, technological extensions of man, Internet.

References

1. Bakhtin N.M. (2008) *Filosofiya kak zhivoi opyt. Izbrannye stat'i* [Philosophy as a live experience. Selected articles]. Moscow: Labirint Publ.
2. Emelin V.A. (2016) Tekhnologii kak faktor transformatsii identichnosti: stanovlenie HOMO TECHNOLOGICUS [Technology as a factor affecting identity transformation: the development of HOMO TECHNOLOGICUS]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 1, pp. 9-18.
3. Emelin V.A., Rasskazova E.I., Tkhostov A.Sh. (2012) Psikhologicheskie posledstviya razvitiya informatsionnykh tekhnologii [Psychological effects of the development of information technology]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 1, pp. 51-87.
4. Gusel'tseva M.S. (2019) Transformatsii identichnosti v informatsionnoi kul'ture [Identity transformation in the information culture]. In: *Tsifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme* [The digital society in the cultural and historical paradigm]. Moscow: Moscow Pedagogical State University, pp. 36-42.
5. Jaspers K. (1973) *Allgemeine Psychopathologie*. Springer. (Russ. ed.: Jaspers K. *Obshchaya psikhopatologiya*. Available at: <http://ncpz.ru/siteconst/userfiles/file/PDF/yaspers.pdf> [Accessed 25/03/20].)
6. Khoruzhii S.S. *Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti* [The kind or underkind? Notes on the ontology of virtuality]. Available at: <https://clib.me/b/151260-sergey-sergeevich-horuzhiy-rod-ili-nedorod-zametki-k-ontologii-virtualnosti/readp?p=1&cnt=9000> [Accessed 25/03/20].
7. Laing R.D. (1960) *The divided self: an existential study in sanity and madness*. Harmondsworth: Penguin. (Russ. ed.: Laing R.D. (2017) *Raskolotoe "Ya". Fenomenologiya perezhivaniya i Raikaya ptichka*. Moscow.)
8. *Marshall Maklyuen na seminare professora Forsdeila* [Marshall McLuhan at the seminar of Professor Forsdale]. Available at: <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> <http://www.mcluhan.ru/quotations/marshall-maklyuen-na-seminare-professora-forsdejla/> [Accessed 25/03/20].
9. May R. (2009) *Man's search for himself*. W.W. Norton & Company. (Russ. ed.: May R. (2012) *Chelovek v poiskakh sebya*. Moscow.)
10. McLuhan M. (1962) *The Gutenberg galaxy: the making of typographic man*. University of Toronto Press. (Russ. ed.: McLuhan M. (2018) *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatayushchego*. Moscow: Akademicheskii proekt Publ.)
11. McLuhan M. (1994) *Understanding media: the extensions of man*. The MIT Press. (Russ. ed.: McLuhan M. (2018) *Ponimanie media. Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow: Kuchkovo pole Publ.)
12. Naisbitt J. (1982) *Megatrends: ten new directions transforming our lives*. Warner Books. (Russ. ed.: Naisbitt J. (2003) *Megatrendy*. Moscow: AST Publ.)
13. Rasskazova E.I., Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. (2015) *Diagnostika psikhologicheskikh posledstviy vliyaniya informatsionnykh tekhnologii na cheloveka* [Diagnostics of psychological effects of information technology on people]. Moscow: Akropol' Publ.